

# Великий художник-гуманист

Чехов принадлежит к тому могучему отряду русских писателей-классиков, которые обессмертили себя непревзойденным художественным мастерством изображения русской жизни, своей глубокой человечностью, беспредельной любовью к родине и верой в ее великое будущее. Вступивший в литературу в 80—90 годы XIX века, Чехов замыкает собою ту блестящую плеяду русских художников слова, которыми так был богат XIX век. Когда-то Лев Толстой сказал: «Чехов — это Пушкин в прозе». Непревзойденными стихами Пушкина был начат XIX век и непревзойденной прозой Чехова этот век был закончен.

Гуманизм Чехова не является плодом отвлеченных рассуждений о человеке вообще, плодом прекраснотворческого, но бесстрастного сострадания всякому, жалующемуся на свою печальную судьбу. Уход из жизни и страдания тех, кто самой историей был обречен на вымирание, например, представителей дворянских гнезд — Гаевых, Раневских и других, совершенно не печалили писателя. О них Чехов предпочитал писать не трагедии, а комедии.

Гуманизм великого писателя определяется, прежде всего, его органической связью со всей Родиной, трудовым народом, с представлением писателя о высоком назначении человека, с убеждением, что человек может и должен жить творческой, прекрасной жизнью.

Горячий патриот и замечательный гуманист, Чехов не только в произведениях художественного слова, но и в своей ежедневной практической деятельности много сделал для своего родного народа. Широко известна его неустанная деятельность по борьбе с голодом и холерой — частыми гостями старой России. Замечательную память оставил о себе А. П. Чехов, как друг народа, как бескорыстный врач среди крестьян села Мелихово. Неустойчиво работал он и на поле народного просвещения, устраивая на собственные средства школы для крестьян.

Глубокое волнение вызывает его из-

вестная поездка в 1890 году на Сахалин. Это далекое и отважное путешествие было продиктовано теми же гуманными стремлениями — облегчить положение ссыльных, особенно политических, стремление окунуться в самую гущу народа. По возвращении с Сахалина Чехов писал: «Если я врач, то мне нужны больные и больницы; если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке... Нужно хоть кусочек общественно-политической жизни».

Чехов непоколебимо был убежден, что «выжженная, истомленная зноем степь», какую ему представлялась Россия, должна превратиться в сплошной цветущий сад; залогом этого являются богатые, неисчерпаемые творческие силы народа. И о чем бы ни говорил писатель — во всем, как подтекст, чувствуется и слышится его безмерное восхищение своим народом, вера в его богатые силы. Вот мальчик Егорунка из повести «Степь» видит «широкие, размашистые и богатые дороги в степи. Кто по ним ездит, кому нужен такой простор?». И ему начинает казаться, что «на Руси еще не перевелись громадные, широко шагающие люди, вроде Ильи Муромца и Соловья-Разбойника, и что еще не вымерли богатые кони, и как бы эти фигуры были к лицу степи и дорогам, если бы они существовали».

Но в то же время Чехов прекрасно знал, как страдала его любимая родина, как много уродливого и страшного было вокруг. По степи носился, как хищный стервятник, богач Варламов, он-то и высасывал силы народа, он делал эту степь злоедей. Прекрасный, свободный по природе своей, одаренный человек превращался им в раба, в уродливое существо.

Художник-гуманист знал, что человек страдает от условий жизни, от всего вопиющего несправедливого старого общественного строя. Чехов видел страшную, злоедейскую фигуру Пришибея на троне, его опору и спутников, без которых не мог бы существовать весь этот строй — «людей в футляре», «хамелеонов», людей, раз-

давленных жизнью, лишенных человеческого достоинства, эгоистов, живущих своим свиноподобным счастьем, мещан-обывателей. Он видел людей без огонька в жизни, он наблюдал многочисленные искривления человеческой мысли.

Много социальных язв вскрыл этот внимательный к жизни писатель, много смешных, а иногда страшных, уродливых искривлений показал художник-обличитель.

Замечательный художник-реалист видел, как массы трудового народа, особенно крестьянство, вымирали в условиях капитализма. В отличие от идеалистов-народников, Чехов видел, как распадалась хваленая ими крестьянская община, как хищник-капиталист в лице Цыбукина (разновидность щедринских колупавых и разубавых) проникал на село и высасывал соки из крестьян. Произведения Чехова на эту тему — «Мужики», «В овраге», «Новая дача» были высоко оценены марксистской критикой, как произведения глубоко правдивые.

Писатель-реалист часто описывал и конкретные условия жизни рабочих. На эту тему написаны его произведения «Моя жизнь», «Три года» и другие. В рассказе «Случай из практики» врач Королев, попав на фабрику, рассуждает: «Тысячи полторы—две фабричных работают без отдыха в нездоровой обстановке, делают плохой ситец, живут впроголодь и только изредка, в кабаке отрезвляются от этого кошмара... и только двое—трое, так называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсем не работают!».

Чехов не был революционером. Он не смог подняться до научного марксистского понимания законов развития общества. Он не смог понять, что та самая эпоха, известная под наименованием эпохи «безвременья», «тупика», — в то же время была эпохой выработки нового, марксистского мировоззрения, временем начала мощного движения пролетариата. Но в то же время лицо писателя-гуманиста всегда было обращено вперед, к новым временам,

когда «жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной».

Для того, чтобы сделать жизнь прекрасной, нужно было, по мнению писателя, прежде всего выйти из тесного футляра своих эгоистических интересов, связать свое счастье со счастьем других. Чехов ненавидел эгоистическое счастье успокоенного самонадеянного обывателя-мещанина. Один из персонажей чеховского рассказа «Крыжовник» Иван Иванович Чимша-Гималайский, выражая мысль самого автора, говорит: «Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные».

«Человек должен трудиться в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл его жизни, его счастье, его восторги», — говорит Ирина из пьесы «Три сестры». Об этом говорят и многие другие чеховские герои. В этом обязательном для всех труде писатель-гуманист видел залог справедливой и счастливой жизни. Чехов выступал против пассивного, созерцательного отношения к жизни, против «постепенства» в борьбе с социальными уродствами. Великий писатель звал к большому счастью, к широкому перспективам жизни. Как бы переключаясь с горьковскими словами — «Человек — это звучит гордо», Чехов в рассказе «Дом с мезонином» с восхищением говорит о человеке-творце: «Человек должен признавать себя выше львов, тигров, звезд, выше всего в природе».

Чехов считал, что трудовой народ не может терпеливо ждать тех времен, когда «Ротшильду покажутся абсурдом его подвалы с золотом... не ждать нужно, а бороться», — заявляет герой Чехова из повести «Три года».

Правда, Чехов не видел еще той силы, на которую можно было бы опереться в борьбе против социальной несправедливости. Его герои большей частью или жертвы ужасного общественного строя, или же люди, ищущие правду жизни, мечтающие о другой, настоящей жизни, но не знающие пути к ней. Но в то же время встречаем у Чехова, хотя и изредка, людей другой складки — «людей подвига, людей веры и ясно осознанной цели», — по выражению самого автора. В творчестве Чехова таким «человеком подвига» яв-

ляется, например, доктор Дымов из рассказа «Попрыгунья». Дымов идет на страшную опасность — высасывает через трубочку гной у больного дифтеритом ребенка. Ребенка он спасает, а сам умирает.

А вот доктор Астров из пьесы «Дядя Ваня», неустанно работающий по борьбе с эпидемией сыпного тифа. «В избах народ повальку, прызь, вонь, дым, телата на полу с больными вместе, поросята тут же. Возился я целый день, не присел, маковой росинки во рту не было», — рассказывает он. К таким же «людям подвига» относится поэтичная девушка Нина Заречная из пьесы «Чайка».

Как все эти образы близки и родственны самому героическому их творцу — Антону Павловичу Чехову — человеку подвига, умевшему сохранить светлую веру в человека в страшных условиях своего времени, умевшему героически преодолевать труднейшие препятствия на пути служения своему народу.

Чехов умер накануне великих событий 1905 года. Вот почему его произведения, особенно написанные в последние годы жизни, полны предчувствий грозных событий приближающейся бури — революции. «Мы живем накануне величайшего торжества» — эти слова часто слышались в его произведениях.

Один из его ищущих героев — Тузенбах заявляет: «Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка...». И в произведениях писателя все здоровое, сильное и свежее стремилось навстречу этой освежающей буре-революции, с нетерпением ожидало конца страшной старой жизни и начала новой, светлой. Девушка Надя из последней повести Чехова «Невеста», написанной в 1903 году, рвет связи со старой жизнью, со всем старым укладом бабушки, и радостно, уверенно приветствует грядущую, новую, ясную жизнь. «Ведь будет же время, когда от бабушкиного дома (символ старой жизни — Н. В.) не останется ни следа, и о нем забудут, никто не будет помнить», — говорит она.

Максим Горький назвал книги Чехова «беспокойными книгами». Произведения великого гуманиста всегда будили и будят совесть человека, заставляют работать мысль, вызывают благородную неудовлетворенность и протест против неправды

жизни в эксплуататорском обществе, окрыляют человека мечтой о счастье. Они имеют огромное воспитательное значение, побуждая человека на подвиг.

«В человеке должно быть все прекрасно — и лицо, и одежда, и душа, и мысли» — записывает в дневнике чеховские слова, как основное, определяющее в жизни девушка-героиня, человек высокого подвига — Зоя Космодемьянская.

Через несколько часов после освобождения Ялты от фашистских оккупантов, забравший на короткое время в дом-музей Чехова старший лейтенант Стреженский, записывает в книгу посещений: «Сейчас мы идем в бой. Во имя любви к жизни, во имя любви к человеку, во имя всего того, чем жил и что любил наш Чехов, мы будем уничтожать орды фашистских злодеев, заливших кровью родную землю».

Чехов умер в расцвете своих творческих сил, не успев полностью дать миру всего того, что он мог бы дать. Но и то, что он дал, сделало бессмертным его имя.

Великий гуманист дорог для нас и для всего прогрессивного человечества. Ведь многие и многие словесные явления, раскрытые замечательным художником-обличителем, еще не стали для мира капитализма простым воспоминанием о далеком прошлом. К сожалению, высокопоставленные «пришибеи» из-за океана еще и теперь пробуют командовать другими народами. Еще многие «хамелеоны», рьяные в зависимости от обстоятельств в тогу демократизма, предают интересы труящихся. Еще есть люди, которые, уходя в футляр личного благополучия, заявляют, что «моя, мол, хата с краю», и тем самым поддерживают царящие в мире капитализма зло и несправедливость.

Благородная мечта писателя о тех временах, когда его любимая родина превратится в цветущий сад, дорога и понятна всем лучшим людям земного шара, борющимся за мирную, справедливую, разумную жизнь на земле, за превращение всего земного шара в прекрасный цветущий сад. Вот почему все прогрессивное человечество вместе с народами нашей страны чтит память великого русского писателя-гуманиста Антона Павловича Чехова.

**Н. ВОСКРЕСЕНСКИЙ,**  
кандидат филологических наук, доцент  
Ужгородского университета.